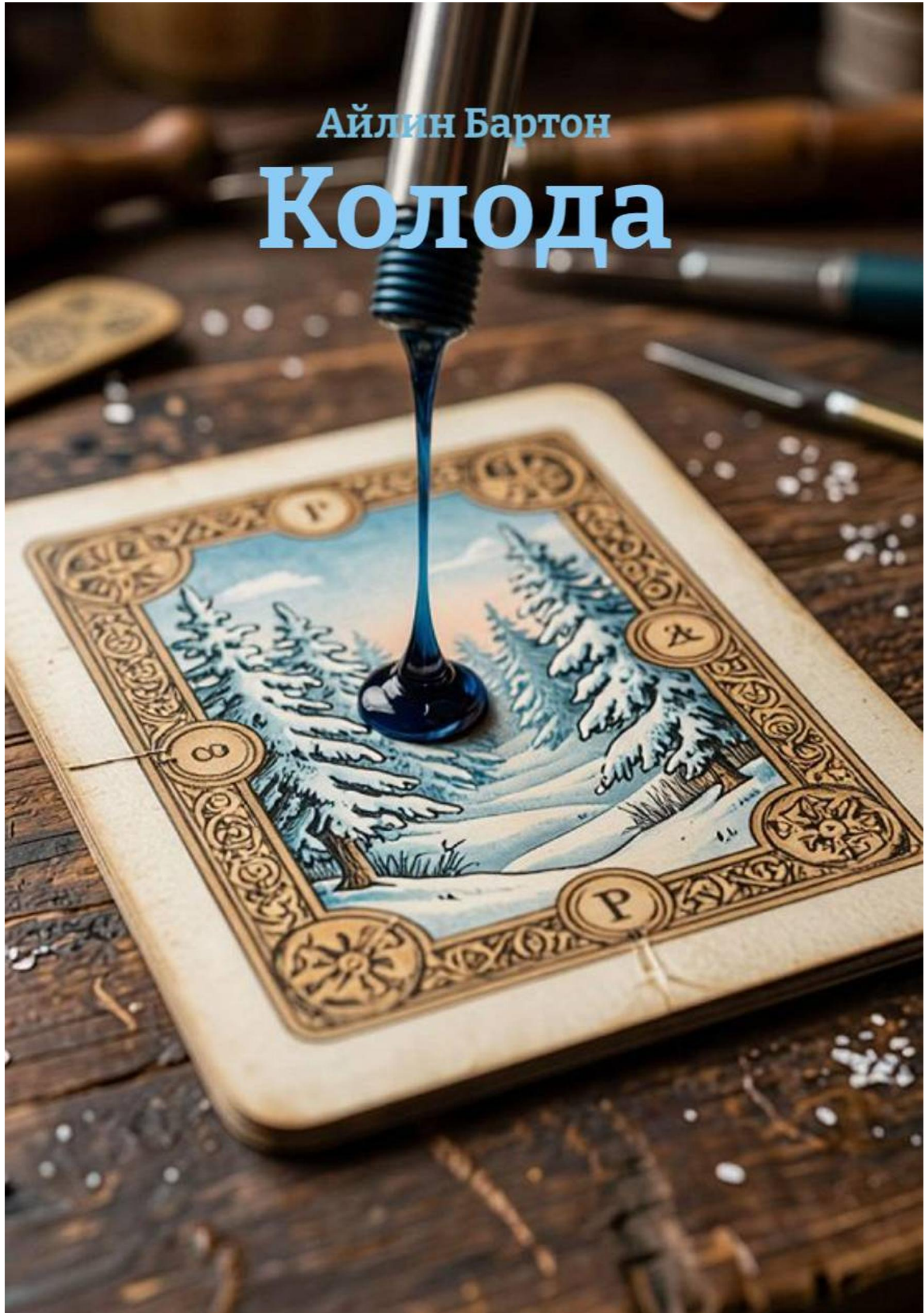

Айлин Бартон

Колода

Айлин Бартон

Колода

«Автор»

2026

Бартон А.

Колода / А. Бартон — «Автор», 2026

Лера реставрирует мертвые вещи. В её мире нет места чуду — только химия пигментов, микротрещины лака и точный расчет времени высыхания связующего. Но когда к ней попадает странная колода деревянных карт начала XX века, законы физики дают сбой. Капля фиксатора падает на рисунок «Зимний бор», и бумага начинает дышать холодом. Оказывается, карты — это не метафоры. Это буквальные двери размером с ладонь. Чтобы спасти пропавшего брата заказчика, Лере придется шагнуть сквозь слой гуаши в мир, где небо сделано из газетной бумаги, а снег состоит из перемолотого мела. Внутри рисунков действуют свои правила: время измеряется площадью картона, а воздух заканчивается вместе с растворителем. Но главная опасность ждет её не внутри красок. Древние архетипы, запертые художником в древесине век назад, начали просыпаться, и они ненавидят живых.

© Бартон А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Анатомия чужого страха	6
Глава 2	9
Физика кипения	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Айлин Бартон

Колода

Пролог

Лак никогда не должен плакать. Это было первое правило отца. Не то правило, которое записывают в тетрадки, а то, что вбивают под кожу вместе с занозами от верстака.

«Смотри, — говорил он, склоняясь над лампой. Пыль плясала в её желтом конусе, как мошара над болотом. — Видишь? Он ложится ровно. Обнимает дерево. Если увидишь слезу — значит, ты мертва. Значит, твоя рука дрогнула перед смертью».

В свои двадцать восемь Лера знала о смерти лака больше, чем о лицах святых на иконах, которые ей приносили на реставрацию.

Капля упала на карту «Зимний бор». Она не расплылась глянцевым бликом. Она "всосалась". Бумага втянула прозрачную жидкость с тихим, влажным звуком поцелуя утопленника.

Пар изо рта Леры стал густым. Температура в мансарде рухнула так стремительно, что стекло в старой раме лопнуло вдоль, рассыпавшись внутрь комнаты звенящим дождем. Из-под глянцевой поверхности карты начал сочиться морозный воздух. Настоящий. С запахом озона и хвои.

Лера протянула руку. Пальцы в нитриле прошли сквозь границу рамы без сопротивления. Там, снаружи, был душный июльский вечер Москвы. Здесь падал тяжелый свинцовый снег.

Она отдернула ладонь. Граница захлопнулась. Но на указательном пальце остался лежать один идеальный снежный кристалл. Шесть лучей безупречной геометрии. В душной мастерской, где плавился асфальт за окном, он продолжал блестеть ледяным светом.

И он не таял.

Глава 1

Анатомия чужого страха

Запах старой бумаги — это запах времени, которое сдается. Лера знала его лучше, чем аромат собственных духов или утреннего кофе. Пыль веков въедалась в поры кожи, забивалась под ногти и оседала на корне языка горьким металлическим привкусом. В её крошечной мансарде на Солянке этот запах был густым, почти осязаемым. Он смешивался с запахом льняного масла, остывающего воска и сухой травы, которую она жгла по утрам, чтобы выгнать из углов остатки чужих кошмаров. Лера не спала уже тридцать шесть часов. Заказчик должен был прийти час назад. Она сидела на полу, прислонившись спиной к холодной чугунной ножке верстака, и смотрела на сейф. Тяжелая стальная дверь была приоткрыта ровно на ширину пальца. Внутри лежала карта «Зимний бор». Она не открывала ящик снова, боясь того холода, который сочился сквозь металл, но чувствовала карту всем телом. Пространство вокруг сейфа искажалось: пылинки в луче фонаря падали не вниз, а закручивались в медленную воронку, словно угодив в невидимый омут. Воздух стал плотным, как перед грозой, и пах озоном. Лера слышала пульс карты. "Тук"... пауза... "тук-тук"... Медленнее человеческого, тяжелее. Так бьется сердце существа, впавшего в анабиоз, но все еще живого.

Звякнул дверной звонок — короткая, нервная трель, обрезанная на середине. Сергей вошел без приглашения. От него пахло валерьянкой, дорогим парфюмом, который уже перестал маскировать кислый запах пота, и специфическим ароматом паники. Паника имела вкус меди и старых газетных вырезок.

Это был банкир, человек, привыкший контролировать цифры, графики и судьбы людей одним росчерком пера, но сейчас он выглядел так, словно цифры стерлись, обнажив пустую бумагу. — Вы Лера? Реставратор?

— Герасимова Валерия Андреевна, — она поднялась с пола одним плавным движением, отряхивая пыль с колен. На ней были потертые джинсы и черная водолазка, заляпанная пятнами чего-то темного, похожего на засохшую кровь или старый лак. — Я работаю с деревом и бумагой. Что у вас болит?

Он положил на стол коробку. Дуб, ручная ковка петель, покрытая патиной, которая стояла дороже содержимого большинства антикварных лавок. Замок щелкнул слишком громко в наступившей тишине. Внутри, переложенные ломким пергаментом цвета слоновой кости, лежали остальные карты. Двадцать одна штука. Плюс та, первая, что гудела в сейфе. Лера надела на лоб лупу-окуляр. Лампа дневного света над столом вспыхнула с тихим шипением, заливая лица мертвенной бледностью. Её мир сузился до круга света.

— Технология странная, — пробормотала она, беря карту «Морской штиль» хирургическим пинцетом за самый край, касаясь только чистой кромки полей. — Дерево живое. Липа, рубленая ножом, а не пилой. Видите эти темные волокна вдоль края листа? На лезвии ножа была кровь. А бумага... она пропитана смесью крахмала и козьего молока. Так делали обереги для младенцев в Архангельской губернии лет двести назад. Считалось, что смерть запутывается в молочных следах и не может найти дитя. Но потом сверху всё залили лаком. Густым, битумным. Запечатали жизнь внутри, как муху в янтаре.

Сергей сглотнул. Звук получился влажным, переломленным пополам. — Мне плевать на технологию. Мой брат Илья принес их неделю назад. Сказал, купил у старьевщика в Измайлово за бесценок, просто коробка пылилась на антресолях. Он сидел над ними вчера утром. Рисовал схемы, капал какую-то воду... А вечером исчез. Просто растворился. Полиция счи-

тает, что он сбежал от долгов. У него были проблемы с этими чертовыми микрокредитами, звонки коллекторов посреди ночи. Но полиция не видела этого.

Он расстегнул верхнюю пуговицу дорогой рубашки резким, злым движением. Пуговица отлетела и покатилась по паркету, подпрыгивая. На шее, на тонкой серебряной цепочке, уходящей под ткань, висела крошечная подвеска. Точная металлическая копия одной из карт — кажется, «Лабиринта», хотя в полумраке было плохо видно. Металл стерся от прикосновений к разгоряченной коже, став теплым даже на вид.

— Илья оставил сообщение, — голос Сергея дрогнул. — Голосовое. Говорил шепотом, бежал по лестнице. — «Не ищи меня в комнатах, Сережа. Если будешь искать — смотри на стены. Они стали мягкими. Я пошел в Башню. Скажи ей... скажи реставратору, чтобы не капала сверху. Только сбоку. Под углом. Иначе оно проснется».

Лера слушала запись через динамик телефона. Шипение помех, хрип сорванных связок, гулкое эхо подъезда. Когда звук оборвался, тишина показалась густой, как смола. — Ваш брат жив, — сказала она ровным голосом.

— Пока. То, что нарисовано там... оно проголодалось. Эти карты всегда голодные. Они сделаны не для игры. Их рисовали, чтобы ловить призраков, запечатывать безумие или менять судьбу. Но охотник забыл закрыть капкан. Она подошла к своему столу. Вместо шприцев с химикатами оттуда появились другие предметы: моток толстой красной шерстяной нити, кусок освященного пасхального воска, пожелтевшего от времени, и старый серебряный наперсток, помятый с одного бока — память о бабушке-золотошвейке.

— Правила такие, — сказала она, начиная неспешно сматывать нить вокруг указательного пальца левой руки виток за витком. — Время там течет иначе. Один удар сердца здесь — примерно час там. Мы идем не спасать его в привычном смысле слова. Мы идем заключать сделку. Потому что эта дверь работает по законам обмена. Просто так она никого не выпускает. Равновесие должно быть соблюдено.

Сергей смотрел на её руки. Нить ложилась идеально ровно, превращая палец в белый кокон. — Какую сделку? О чем вы?

— О цене выхода, — Лера закончила мотать, завязала узел и резко дернула нить, обрывая её. Кокон упал на стол. — Кровь за проход. Страх за страховку. Взять можно только то, что отдашь сам.

Она взяла со стола карту «Чаепитие под абажуром». Положила её на бархатную подложку черного дерева. Сцена выглядела обманчиво уютно. Фарфоровый чайник цвета топленого молока, горка эклеров, желтый свет лампы, отбрасывающий мягкую тень. Но если смотреть долго, не моргая...

— Нет, — поправила она, не отрывая взгляда от бумаги. — Это не лампа. Это он дышит. Художник вложил туда слишком много жизни. Или кто-то другой вложил её туда против воли создателя.

Она достала из кармана складной нож. Щелчок выброса лезвия прозвучал в тишине комнаты как выстрел. Сталь блеснула холодно и опасно.

— Нам нужен вход, — Лера склонилась ниже. От карты пахло сладостью ванили, пылью и едва уловимым оттенком тления. — Художник рисовал этот сахар левой рукой. Или будучи пьяным, или в состоянии транса. Посмотрите на гранулы сахара возле чашки. Они неровные, смазанные. В них есть зацепка. Трещина в реальности. Дефект формы, через который дух может проскользнуть обратно. Мы войдем через ошибку мастера.

Она склонилась так низко, что её волосы упали на рисунок. Казалось, она нюхает краску. — Закройте глаза, — приказала она Сергею, не поворачивая головы. Голос изменился, став низким, вибрирующим, гипнотическим. — И молитесь тому богу, которого предали ваши деньги. Здесь старые правила.

Лера занесла острие ножа над центром стола, прямо в нарисованную лужицу пролитого чая. Капля лака на картине тускло поблескивала, как глаз хищника.

— Кровь за проход, — прошептала она древнюю формулу, которую никто не произносил вслух в Москве последние лет сто. — Страх за страховку. Плоть за образ.

Она кольнула подушечку большого пальца. Капля настоящей, густой, темно-рубиновой крови сорвалась вниз. Она летела медленно, преодолевая сопротивление воздуха. Упала точно в центр коричневой краски, расплываясь идеальным кругом. Бумага вскрикнула. Звук был похож на треск разрываемого шелкового платья невесты. Не человеческий вопль, а акустический парадокс — рвущаяся материя мира. Глянцевая поверхность лопнула беззвучной вспышкой черной молнии. Краска пошла концентрическими волнами, как вода от брошенного камня. Пространство кухни накренилось. Потолок исчез, превратившись в желтую бездну абажура, уходящую в бесконечность. Паркет под ногами потерял твердость, став вязким и теплым. Они начали падать — не вниз, они падали «вбок», скользя по масляному пигменту, который внезапно обрел плотность застывающего животного жира. Приземление оказалось мягким, вопреки законам физики и здравому смыслу. По щиколотку в темно-коричневой жидкости. Чай. Остывший, густой, как нефть или холодный клейстер. Он пах ванилью, горечью пережженных зерен и мокрой шерстью.

— Мы внутри, — констатировала Лера.

Голос звучал глухо, будто уши заложило ватой, пропитанной медом и дегтем. Мастерская исчезла. Наверху нависал гигантский купол ткани, сплетенный из миллиардов бумажных волокон. Вокруг возвышались горы-эклеры размером с надгробия, покрытые сизой плесенью сахарной пудры. Но тишины не было. Из тени под огромным заварником, где тьма казалась особенно плотной и живой, раздался тихий, ритмичный, царапающий звук. «Шкррр... Шкррр...». Так скрипит рейсфедер по плотной чертежной бумаге. Или так скребут ногтями изнутри дубового гроба, когда земля уже засыпана, а воздух на исходе.

Глава 2

Физика кипения

Тягучая масса держала ноги мертвой хваткой. Каждый шаг давался с трудом: нарисованный чай казался живым организмом, он сопротивлялся, не желая отпускать подошвы кедров, и втягивался обратно в следы с тихим чавканьем. Воздух был плотным, его можно было резать ножом — тяжелый запах ванили, жженого сахара и книжной пыли забивал ноздри, вызывая тошнотворную сладость во рту.

— Не дыши глубоко, — бросила Лера через плечо. Она двигалась странно, почти танцевально: ставила ногу строго по прямой линии, перекачиваясь с пятки на носок, словно шла по натянутому канату над пропастью. — Это не воздух. Это пигмент, разведенный в слюне художника. Если наглотаться, станешь частью фона.

Сергей стоял рядом, тяжело дыша. Его костюм-тройка мгновенно пропитался темной влагой, потеряв всякий лоск. Он выглядел жалко — банковский воротила, оказавшийся по колено в липком ночном кошмаре.

— Где он? — просипел банкир, оглядываясь. Огромные тени от предметов падали в разные стороны, перечеркивая законы освещения. — Куда нам идти?

— К носику, — Лера кивнула вверх. Там, на недостижимой высоте, фарфоровый великан изгибался чудовищной аркой. — Я говорила снаружи: художник покрыл металлический носик бронзовой краской поверх финишного лака ради фактуры. Там осталась микротрещина. Настоящий металл соприкасается с воздухом нашей реальности. Это единственный выход.

— Мы полезем в чайник? — в голосе Сергея прорезались истерические нотки. — Я финансовый аналитик!

— А я нет, — отрезала Лера. Она достала из кармана джинс тот самый моток красной нити. Размотала конец и привязала его к ручке ближайшего, колоссального эклера. — Держи. Не отпускай. Если мы разделимся в этом сиропе, ты останешься здесь навсегда. Картографы найдут твои кости лет через пятьдесят, когда краска начнет осыпаться.

Она сделала первый шаг к основанию чайника. Земля под ногами вздрогнула. "Шкррр... Шкрррр...". Звук стал громче. Быстрее. Теперь это был не один писец. Десятки. Сотни. Из-под огромного заварника начала выползать фигура. Сначала показалось плечо, собранное из переплетенных черных букв. Затем рука, состоящая из спутанных слов

«ПУСТОТА», «НИКОГДА» и «ЗАДОЛЖЕННОСТЬ».

Бумажное существо выпрямлялось, собираясь из типографской тьмы. Оно не имело глаз, но Лера знала — оно смотрит прямо на нее всеми прорезами между литерами «О» и «Р». Архетип сделал шаг вперед. Тягучий сахар захрустел под тяжестью смыслов. От него пахло старой кожей переплётков и мышами.

— Ты принесла сюда красный цвет, — проскрежетало существо. Голос складывался из шума перелистываемых страниц. — Красный вне палитры контракта. Баланс нарушен.

— Я плачу пошлину, — спокойно ответила Лера, делая еще один шаг назад, увлекая за собой замершего Сергея. — Кровь принята. Пропусти нас к металлу.

— Кровь открыла дверь, — существо вытянуло шею, издав звук разрываемой страницы. — Но страх держит вас здесь. Архитектору нужен полный взнос. Одного пальца мало.

Существо метнулось вперед с невероятной скоростью, на которую не способно человеческое тело. Его конечность-псевдоподия из черных строк ударила в сторону Сергея. Банкир вскрикнул, роняя нить, и неуклюже попытался закрыться руками. Лера действовала быстрее мысли. Инстинкт реставратора сработал на защиту материала. Она швырнула в лицо монстру

банку с солью, стоявшую на краю нарисованного стола. Обычная белая соль. Стекло разбилось о бумажную маску. Белые кристаллы посыпались на буквы.

Типографская краска ненавидит влагу и абразивы. Черные строки зашипели, покрываясь белым налетом. Буквы начали терять сцепление друг с другом, распадаясь в серый пепел. Существо издало звук мнущейся газеты и отшатнулось, закрывая голову остатками рук.

— Нить! — крикнула Лера. — Хватай нить и лезь!

Сергей очнулся от ступора. Он рухнул на колени, схватил дрожащими пальцами красную шерсть и начал карабкаться по склону эклера вверх, к основанию чайника, оставляя за собой глубокие борозды в креме. Лера отступала последней. Она швырнула вслед твари свой серебряный наперсток. Тот вонзился в грудь Архетипа с мелодичным звоном чистого металла. Серебро вошло в бумагу, как в масло. Существо взвыло высоким, ультразвуковым писком перегруженного микрофона и начало стремительно рассыпаться, превращаясь в черный дождь, исчезающий в сахарной трясине. Вибрация пола усилилась. Столешница под ними издала низкий гул. Грань рисунка оживала, твердела, превращаясь в бетонную стену.

— Лезь! — рывкнула Лера, подбегая к Сергею. Она буквально забросила тяжелого банкира на крутой бок фарфорового гиганта. Тот неуклюже пополз вверх, цепляясь за трещины в нарисованной позолоте.

Лера посмотрела на белую рамку выхода на другом конце стола. Та стремительно сужалась, затягиваясь новой порцией глянца. Времени не осталось. Она прыгнула, ухватилась за ручку чайника. Металл обжег пальцы ледяным холодом — настоящий материал отвергал магию картины. Лера подтянулась, протискивая плечи в узкую щель крепления носика. За пределами рисунка выл реальный московский ветер. Свобода. Она уже почти пролезла наружу, когда нога соскользнула. Она повисла на одной руке над пропастью из горячего чая. Свободной рукой она попыталась ухватиться за край фарфора, но пальцы встретили лишь гладкую, равнодушную эмаль. Прямо перед её лицом, на внутренней стороне крышки чайника, проступила надпись. Она не была нацарапана. Она выступила прямо из лака, сложившись из микроскопических пузырьков воздуха.

«МЕСТА МАЛО. КОМУ-ТО ПРИДЕТСЯ ОСТАТЬСЯ».

Сергей, уже выбравшийся на внешнюю сторону носика, вцепился в рукав её водолазки, вытаскивая наружу, в реальность. Мир перевернулся. Последним, что Лера увидела внутри, прежде чем носик окончательно запечатался за её спиной, была тень. Огромная, непропорционально высокая тень, падавшая от заварника на столешницу. Тень сняла несуществующую шляпу и слегка поклонилась. В воздухе архива, куда они вывалились обратно на кухню, раздался сухой, вежливый кашель.

— Простите за беспорядок, — произнес голос. Он не имел источника, он звучал сразу отовсюду, вибрируя в самих костях. — Младший архивариус проявил излишнее рвение. Мы ожидали вас только к концу квартала. Финансовый год закрыт, знаете ли. Дебет с кредитом всегда сходятся болезненно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.